

«Под патефон мы могли танцевать до утра. Обожили западные танцы. В нынешнем кинотеатре «Ударник» был потрясающий танцевальный зал. Румба была моим коронным танцем. Я брал призы, считался одним из лучших танцоров.»
Сейчас трудно себе представить, что все это Зиновий Гердт рассказывает о себе. Хромота стала частью имиджа артиста. Без нее Гердт уже вроде бы и не Гердт.

Но тогда в 15 лет после ФЗУ он пришел работать на Метрострой слесарем-электриком: «Я делал фонари из больших жестяных полуметровых банок из-под монпансье. Вырезая днище, вставлял лампочку — и фонарь готов!» Прочитав объявлениице «Приходи к нам в ТРАМ» (был такой театр), взял, да и сыграл там в арбузовском «Городе на заре».

Но вмешалась война. Гердта ранило около Белгорода в феврале 1943 года. В госпитале он был «стеклянным больным» — лежал в отдельной палате. Бедро перебито, все кости... Не дай Бог кашлянуть, чихнуть, зевнуть, шевельнуться. И спать ни в коем случае нельзя. Потому что заснешь — не проснешься: температура — сорок, сепсис. Приехала театральная бригада, артисты зашли в палату. А он их всех знает. Ну почти всех: Александра Граве, Ларису Пашкову... С ними парень с баяном. Стоят, смотрят — не узнают. «Откуда вы?» — «Из Москвы». — «Давно ли?» — «Две недели». И предлагают почитать или спеть что-нибудь для него одного. А Гердт отвечает: «Не надо мне ничего читать. Хотя, может быть, вот это: «Гнев, о

«ФОКУСНИК»

МОЙ КОРОННЫЙ ТАНЕЦ

Семь дней — 1996 — 23 — 29 сент. — с. 6 — 7

богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...» Из Гомера. Это в студии театральной у них было такое упражнение по технике речи. На тренировку дыхания. Кто-то из них продолжает: «Грозный, который ахейнам тысячу бедствий содеял...» В студии только эти две строчки и учили. И тут Пашкова с криком: «Зямка!» бросается к Гердту. Дальше, как рассказывал Зиновий Ефимович: «Я потерял сознание. Их сразу выгнали. Мне — инъекции какие-то... Потом они мне принесли целый котелок картошки в мундире. Я тогда ничего не ел. А тут — отковырнул кусочек».

Утверждают, что женщины влюбляются в Гердта сразу — окончательно и бесповоротно. Так было и с его женой Татьяной Александровной, хотя у нее есть на сей счет своя точка зрения:

— Ничего романтического в нашем романе не было. Наоборот, было жутко банально. Я поехала переводчицей с кукольным театром Образцова в зарубежные гастролы, первые в моей жизни. Зиновий Ефимович начал очень за мной ухаживать. А формально я тогда была замужем. Поскольку никогда в жизни с актерами дела не имела, меня преследовало такое не очень даже приятное ощущение — вот гастрольный роман, богемная жизнь... Когда мы прилетели в Москву, то не обсуждали перспектив женитьбы или что-то в таком роде. Мы назначили свидание через два дня после приезда. В очень смешном месте — на Садовой улице у Киевского райкома партии. Там особняк замет-

ный, он был недалеко от моей работы. Я своему мужу сказала, что с ним развожусь. Когда мы через два дня встретились с Зиновием Ефимовичем, он сидел в стареньком «Москвиче». Я сказала: «Какой детектив!» Он ответил: «Никакого детектива. Я — свободный человек». В вечер прилета он сказал своей жене, что уходит от нее. Даже не зная, пойду ли я за него замуж и что вообще из всего этого выйдет.

Все шло очень быстро. Что, конечно, было шоком для окружающих, скажем,

для моей мамы, которая ужасно заволновалась и говорила: «Как это все скоропалительно!» С Зямой она не была знакома. Когда он узнал о ее печали, тут же пришел в гости. Через полчаса я спросила маму: «Ну что, тебе стало спокойнее?» Она ответила: «Совершенно». И на всю жизнь они стали друзьями. Вместе пережили массу бытовых проблем. У нас не было жилья. Три с половиной года мы снимали квартиру — при том, что у меня дедушка родился в Москве. Не было де-

НА ЗЛАТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ

ЗИНОВИЙ ГЕРДТ: РУМБА-

ИГРАТЬ В КУКЛЫ
ГЕРДТ НАЧАЛ
ДАВНО

